Евгения Ходас

Калашниковы

Евгения Ходас
Калашниковы

https://litres.ru/74760784
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если даже городские архивы бессильны, а могила родной бабушки бесследно затерялась на старом кладбище? История семьи Калашниковых начинается в наши дни во Владивостоке — с попытки младшей дочери нарушить многолетнее молчание старших и докопаться до правды.

Вместе с автором читатель пройдет через полстраны и целое столетие: от казачьей Кубани и понтийских общин Пшады до сталинских строек Сочи, Порт-Артура и соленых ветров Приморья. Здесь нет придуманных героев. Только живые люди, которые ошибались, уходили, хлопая дверью, делили тесные квартиры, переписывали даты в метриках и любили так, как умели.

«Калашниковы» — честный автофикшен о том, как распутать клубок застарелых обид, принять чужие тайны и в конце долгого пути услышать долгожданную тишину.

Содержание

От автора	4
ГЛАВА 1. Наши дни. Ступор. И математика одной тайны	5
ГЛАВА 2. Хлеб, мазут и соленый ветер	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгения Ходас
Калашниковы

От автора

Эта книга начиналась со старых фотографий, пожелтевших трудовых книжек и архивных запросов, но выросла из острой потребности души. Она стала для меня осмыслением жизни, личной терапией и ответом на молчаливый запрос моего Рода.

Это путешествие от казачьей Кубани и понтийских общин Пшады до соленых ветров Владивостока. Но главный его маршрут проложен не по картам, а по человеческим сердцам. Здесь нет идеальных героев — только живые люди, которые ошибались, уходили, хлопая дверью, делили квадратные метры, прятали метрики и отчаянно боролись за выживание и любовь.

Я писала эту книгу как акт любви, прощения и дань памяти. Чтобы разглядеть за старыми тайнами мамину выстраданную любовь и бабушкину боль. И чтобы переплавить застарелые обиды и собственное чувство вины в историю, где в финале остается только любовь.

ГЛАВА 1. Наши дни. Ступор. И математика одной тайны

Скажу честно: начинать эту книгу мне было страшно. Внутренний голос отличницы твердил: «У тебя не получится, ведь все это слишком личное, вокруг чужие секреты, и не надо их ворошить». Но этих людей больше нет на земле. Никого. А значит, я никого не обижу. И кроме меня, младшей дочери, эту историю больше некому рассказать. Мне важно сохранить её для наших потомков, чтобы объяснить и мотивы мамы, и мои выборы, и то, почему всё сложилось именно так.

Я сижу за письменным столом в своей квартире, передо мной — две пожелтевшие трудовые книжки моих родителей. Пристально всматриваясь в штампы «Хлебозавода», «Сибтеплоизоляции», сопоставляю даты, считаю месяцы. Мой отец вернулся из армии в ноябре 1964 года, а старшая сестра родилась в январе 1965 года, ровно через два месяца. Я помню наш разговор с сестрой, когда мы, мучаясь подозрениями, вслух сверяли эту математику семейных дат. Тогда она посмотрела на меня и сказала фразу, которая навсегда перечеркнула мое беспокойство за нее: «А знаешь, я люблю папу независимо от того, родной он мне или нет».

Ее слова меня успокоили, и я привычно отодвинула опас-

ные мысли на задний план. Ну не хочет мама говорить — и не надо. Это их тайна. Если бы отец не был сестре родной, наша бабушка давно разболтала бы нам все еще в детстве. Когда бабушка ругалась с мамой, она в сердцах могла наговорить лишнего, но эта тема никогда не поднималась. А значит, это обычная житейская история, каких миллионы на планете. Ну встретились, ну была любовь и беременность до брака. Не мое это дело — выяснять у мамы детали.

Родители никогда не праздновали годовщину свадьбы. Свидетельство о рождении сестры — повторное. Я не сразу обратила на это внимание, но сейчас-то знаю, что это значит. Скорее всего, когда они расписались в декабре 1966 года, папу просто вписали в документы. Однажды, когда мы втроем сидели у мамы на кухне, сестра неожиданно обронила: «А я помню вашу с папой свадьбу». Мама тогда вздрогнула: «Не может быть, ты была слишком маленькой!» Она не стала отрицать, что свадьба случилась уже после её рождения, но и объяснять ничего не захотела, хотя мы давно выросли. И эта недосказанность навсегда поселила во мне тревогу.

В поисках ответов недавно я разбирала семейные фотографии и наткнулась на одну очень необычную. Я привыкла, что на всех кадрах они такие благополучные и милые: выверенные улыбки, правильные позы. На этом — мама сердито смотрит в камеру, а папа улыбается. Они совсем молодые. Такой мамы нет больше ни на одном снимке: брови сдвинуты, волосы развеваются на ветру. Меня точно еще не было

на свете, а сестре было года полтора, судя по другим фотографиям той серии. И в этот момент пазл в моей голове сложился. Это же лето 1966 года. Они уже вместе, но всё ещё не в браке.

Наша с сестрой непохожесть всегда и всем бросалась в глаза. Каждый считал своим долгом удивленно воскликнуть: «Вы сестры? Не может быть!» И это раз за разом раздувало тлеющий огонек моих сомнений. Но сестра пошла в мамину породу — точнее, в кубанскую родню бабушки Кати. Она была феноменально похожа на свою троюродную сестру Ксению — просто одно лицо. А я удалась в папину ветвь, в его маму, бабушку Машу. Так тоже бывает.

Но внешнее сходство — лишь оболочка. Как бы ни распорядилась генетика и какие бы тайны ни скрывали документы, наша внутренняя связь была огромной. Я всегда глубоко любила и родителей, и бабушку Катю, мамину маму, с которой мы прожили вместе всю жизнь. Я не знала её тяжелого характера, от которого страдала мама. Для меня она всегда оставалась просто любимой бабушкой, самым добрым человеком из детства. Это маме она потом приходила во снах в виде кошмаров, а мне приснилась один-единственный раз — в ночь после своего ухода. Она стояла в прихожей нашей квартиры, прислонившись плечом к стене, и с тёплой улыбкой смотрела, как мимо носятся её маленькие правнуки. Я проснулась с абсолютно спокойным сердцем.

Бабушка умерла на наших с мамой руках, на Красную гор-

ку, в воскресенье, 14 апреля 1991 года. В христианской традиции уход человека из жизни в период пасхальных торжеств — от Пасхи до Красной горки — считается особым знаком и милостью. Верят, что в эти дни врата рая открыты для всех.

Впервые найти могилу бабушки я захотела спустя лет десять после её смерти, в начале двухтысячных. Я тогда почувствовала непреодолимое желание поехать на кладбище. Была весна, родительские дни. Все вокруг тянулись наводить порядок, прибирать участки, и мне тоже это было необходимо. В памяти всплывало только то, что дорога идёт под уклоном вниз, дальше будет развилка и надо свернуть влево. Этот ориентир я отчетливо вижу и сейчас. К моему глубокому разочарованию, тогда я бабушку не нашла. Может быть, ходила не в том месте, теперь уже не разобрать.

Вторую попытку я сделала весной 2025 года. Мама сама захотела поехать, чтобы попрощаться. Я не знаю, что она себе думала, ведь на кладбище она не появлялась ни разу со дня похорон. Мама подробно, по памяти, описала то же, что помнила и я, но и этот поход не увенчался успехом. Правда, я чувствовала, что была уже ближе к цели: хотя бы узнавала рельеф и саму дорогу. Именно тогда пришло горькое осознание: никто за эти тридцать с лишним лет не приходил к бабушке и не ухаживал за могилой.

Конечно, всё это я честно маме рассказала — что нечего искать, если на месте остался просто безымянный кусочек земли. Но это не была моя ответственность. Мама сама вве-

рила заботу о могиле своей сестре.

Я потом долго размышляла на эту тему. Семья моей мамы приехала на Дальний Восток, оторвавшись от своих корней. Все близкие и родные моей бабушки остались в Пшаде и Геленджике. Она физически не могла научить своих детей памяти о предках — их на этой земле просто не было. Так, я думаю, в нашей семье и не появилось традиции посещения кладбищ.

Вскоре мамы не стало, но мысль найти бабушку так и застряла в моей голове. И новую попытку мы с мужем предприняли 9 мая 2026 года — в день, когда вся страна в едином порыве празднует Победу и чтит ушедших.

Кладбище удивило житейской суетой. Я-то думала, что все будут на параде или у телевизоров, но оказалось, что это не так: вереницы машин, толпы людей. Внутренне я не была готова к такому. Ходить между могилами и вчитываться в надписи, когда все вокруг трудятся, казалось неловким. Но мы с мужем упорно пробирались вперёд, вглядываясь в старые ограды.

Именно тогда надежда меня и покинула. Это было всё равно что искать иголку в стоге сена. Вроде бы даты вокруг близки к нашей, но нет-нет и мелькнёт свежий год или, наоборот, снимок из пятидесятых. Я вышла к машине со словами: «Сдаюсь». Грустно было признавать этот факт, но я её не нашла.

Окончательный тупик ждал меня в городской архивной

службе, где сотрудники только развели руками. Учет захоронений в те годы вели без указания секторов — их на старом кладбище просто не существовало. Выдали только порядковый номер могилы, и всё. Я уныло признала поражение, но вдруг эту эстафету подхватил мой муж.

Все, наверное, помнят, хаос и дефицит девяностых. Когда в апреле 1991 года бабушка умерла, все приходилось доставать через знакомых, искать связи. Тогда нам сильно помогла свекровь — мать моего первого мужа, с которым мы расстались ещё в 2005 году. Она занимала высокий пост в системе ТОФ и полностью взяла организацию похорон на себя.

И только в наши дни мой второй муж заметил то, чего я упорно не видела. Земля на Морском кладбище во Владивостоке в те годы частично оставалась в ведомстве Тихоокеанского флота, и военных хоронили на отдельных, закрытых участках. Муж предположил: городские архивы молчат потому, что бабушку могли упокоить на флотской территории, чьи карты никогда не передавались гражданским службам.

Как кадровый офицер, он быстро нашел нужные контакты и направил официальный запрос на имя командующего Тихоокеанским флотом. И прямо сейчас ответ на это письмо ждет нас на почте.

ГЛАВА 2. Хлеб, мазут и соленый ветер

Но прежде чем разгадывать тайну затерянной могилы бабушки, я хочу распутать первый узел нашей семейной истории — узнать правду о маминой любви и рождении моей старшей сестры. А для этого мне нужно снова вернуться к пожелтевшим трудовым книжкам родителей и заглянуть в конец пятидесятых годов.

После школы выбора у мамы особо не было. Старшего брата Николая призвали в Советскую армию, младшая Таня еще училась, а отец уехал на другой конец страны, в Геленджик. Кормить семью стало некому. Бабушка тогда только устроилась на хлебозавод и вскоре привела туда маму. Так за формами и печами начался ее трудовой путь. А по вечерам и воскресеньям она спешила на учебу — на Луговую.

В семейном альбоме до сих пор хранится снимок той поры с маминой размашистой подписью на обороте: «Воскресенье, после занятий на Луговой в ожидании трамвая. Староста и подруги (часть компашки)». На фотографии мама стоит в шубе, лицом к подруге, крепко прижимая к себе учебную тетрадь. Позади них что-то увлеченно говорит парень в ушанке, тоже с конспектами в руках.

На этом старом кадре мама выглядит такой целеустрем-

ленной. Она упорно шла к профессии, но получить диплом ей так и не удалось — я до сих пор не знаю, почему. Этот свой нереализованный гештальт она позже полностью отыграет на нас. Старшая сестра поступит в Институт советской торговли, но в первую же сессию бросит его, отрезав маме в глаза: «Ты хотела, чтобы я поступила, — я это сделала. Но учиться здесь я не буду». Мне же бросить вуз мама просто не позволит. Когда перед четвертым курсом у меня родится сын, она уволится с работы и полностью возьмет заботу о младенце на себя, лишь бы я доучилась.

При этом отсутствие высшего образования не помешало маме стать прекрасным бухгалтером и экономистом. Ее бывшая начальница, ставшая близкой подругой, часто повторяла: «Эх, Валентина Ивановна, к вашим бы способностям считать да еще диплом — цены бы вам не было!»

Но в конце пятидесятых всё только начиналось. В те годы во Владивостоке Хлебозавод и Дальзавод стояли стена к стене, разделенные лишь забором и пропастью запахов. Мама — тогда еще восемнадцатилетняя девчонка — работала среди белой мучной пыли и аромата горячего хлеба. В обеденный перерыв она вместе с подругами из цеха бежала через проходную в огромную, гудящую столовую Дальзавода. «Такое счастье — взять пирожки с кефиром и успеть подремать немножко», — вспоминала она те дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.